

Рачковская Марианна

г. Томск, МАОУ «Гуманитарный лицей г. Томска», 11 класс

Рецензия на спектакль «ТРИ АПЕЛЬСИНА. КАРНАВАЛ»

по мотивам фьябы Карло Гоцци «Любовь к трём апельсинам»

Театр Эстрады им. Аркадия Райкина, Санкт-Петербург

Режиссёр – Илья Архипов

Передо мной падает занавес – антракт.

*Я в голос смеюсь, с головой усыпанная пёстрым конфетти,
сидя в третьем ряду с пластиковой мандаринкой в руке.*

Как? Уже закончилась первая часть?

Неужели так быстро может пролететь время?

Итальянский театр был на пороге серьёзных реформ в пятидесятые годы восемнадцатого века. Время гротескных феерий и буффонад ушло. Комедия Дель Арте, которая была основой национального театра в предыдущем столетии, практически изжила себя, стала казаться поверхностной и далёкой от настоящей жизни. На смену ей пришли философские, подчёркнуто нравственные и приближенные к обыденности пьесы, знаменуя начало следующей эпохи. Однако новый жанр фьябы Карло Гоцци зажёл в истории театра масок последнюю, невероятно яркую искру жизни, доказав, что ей не чужды глубокие философские темы, а гиперболизированные и метафоричные образы отнюдь не противоречат реалиям жизни.

Спектакль «Три апельсина. Карнавал» в театре Эстрады им. Аркадия Райкина по мотивам пьесы Карло Гоцци «Любовь к трём апельсинам» оставляет ощущение поразительной лёгкости, невесомости. Он будто возвращает нас в детство, где красивые и добрые сказки дарят радость, смех, давая возможность переосмыслить отношения добра и зла, жизни и времени. Это спектакль о сочетаниях – в нём находят место соединение вечных вопросов бытия с подчёркнутой театральностью, элементов горькой сатиры с

игривым юмором, единство прошлого с современностью и чувство общности актёров со зрителем.

Однако, давайте погрузимся в него поглубже.

На разных уровнях понимания спектакль одинаково интересен и понятен. Для маленьких зрителей – это яркий, красочный маскарад с захватывающим сюжетом; для взрослых – сказка с многозначным историческим контекстом и философским взглядом на темы любви, дружбы, искренности и правды. С первых же сцен атмосфера комедии Дель Арте, как бы по старинной традиции, вовлекает смотрящих в процесс рождения замысловатой истории, заставляя их чувствовать себя неотъемлемой частью действия. Актёры спускаются в зал, разговаривают с публикой, подшучивают над ней, получая бесценную реакцию: смех и аплодисменты.

Интересную роль в постановке Ильи Архипова играет стихотворный текст, взятый из социально-политической комедии Леонида Филатова «Любовь к трём апельсинам». Именно он добавляет в пьесу Гоцци современно-общественный подтекст. Однако режиссёру удаётся сохранить атмосферу сказки и не позволить красочной феерии превратиться в грубую, местами жестокую политическую сатиру. Он находит для своего спектакля тонкую грань баланса между доброй шуткой и безжалостной иронией. Так из текста Л. Филатова, который произносит Клариче: «На свете нет ужаснее напасти, // Чем идиот, дорвавшийся до власти! // Нам нужен труп в одежде короля, // А не живой придурок у руля!», – в спектакле Архипова незаметно для зрителя исчезают последние две строки, смягчая, сглаживая ситуацию, оставляя в возгласе злодейки лишь понятные нотки современного юмора. Таким же образом множество острых, беспощадных реплик вплетается в действие спектакля фрагментарно и столь филигранно, что придаёт ему лишь живительную иронию, работая на реакцию зрителя. Есть и кое-что ещё, полученное спектаклем «Три апельсина. Карнавал» от филатовской комедии в наследство. Персонажи стали обладателями по-настоящему запоминающихся, индивидуальных характеров в отличие от первоначальной

идеи фьябы, где герои-маски существуют лишь функционально, выполняя определённые роли в сюжете.

Визуальное оформление Венецианской феерии, которому уделено немалое внимание, действительно впечатляет своим разнообразием и красотой. «Ах милый друг, Панталоне. Если бы ты знал, как мне иногда хочется перестать быть самим собой», – говорит Король Сильвио (Игорь Мосюк), и начинается карнавал. Тогда в силу вступает непреложный закон маскарада – ни на минуту не становиться собой. Лица всех героев скрыты под масками и гримом, так каждый портрет складывается из совокупности пластики, интонаций голоса и внешнего облика, а также работы света и музыки. Однако акцент не просто смещён с мимики на грацию движения актёров, иногда сам костюм выступает в качестве атрибута, способного подделывать эмоции и чувства. Таким образом, приходя «на поклон» к королю, заговорщики, претендующие на трон, надевают поверх основной маски ещё одну – с растянутой до ушей улыбкой, чтобы выказать «должное уважение» и «добрые намерения». А шутовской костюм Труффальдино (Артем Иванов) делает его вечно смешным, не давая зрителю разглядеть в герое истинные желания и переживания. В нарядах персонажей точно угадывается психология цвета и фасона (художник по костюмам – Алёна Пескова). Например, едкий неоновый зелёный в сочетании с темно-фиолетовым изначально ассоциируется у зрителя с образом зла, коварства и фальши. Именно в такой цветовой гамме появляется сестра короля Клариче (Екатерина Селиванова), замышляя убийство племянника. На Труффальдино же надет ассиметричный арлекинский костюм чёрно-белых цветов. Этот персонаж, будучи находчивым и нечестным, трусливым и бескорыстным, не кажется нам ни плохим, ни хорошим – скорее своенравным, самобытным. Но стоит заметить: оттенки далеко не единственное, что придаёт героям особые характеристики – есть и более сложные образы, состоящие из целого ряда ассоциаций и отсылок. Так Принц Тарталья (Николай Зверев) в белом одеянии с многочисленными ремнями и рукавами до земли напоминает

пациента психиатрической клиники, замкнутого, отрешённого, потерянного (в начале пьесы он действительно лечится от депрессии). А в финале спектакля этот странный, даже нелепый костюм становится символом принятия любви и обретения счастья. Танцуя с Девушкой из апельсина (Анна Дворяненко), герой понемногу высвобождает из глубин рукавов свои ладони для соприкосновения с возлюбленной, тем самым он будто впервые открывает душу для искреннего чувства и видит настоящий мир.

Чёрное почти пустое пространство сцены с передвижными, предельно минималистичными декорациями благодаря светографии становится мистической, волшебной тьмой сказки, мелькающей между вспышками света (художник-постановщик – Илья Архипов). Начало карнавала знаменует одинокий белый луч, затем их становится множество, и герои пьесы один за другим стремительно выбегают из магической черноты для танца. Мелькая между движущихся фигур, свет создаёт осязаемый объём сценического пространства и подчёркивает атмосферу венецианской эпохи, сочетаясь с авторской музыкой.

Уходя от яркого и местами замысловатого оформления, вернёмся на сторону содержания. Тепло, ласка и любовь вынесены режиссёром спектакля «Три апельсина. Карнавал» как бесспорные истины жизни. Встречаясь с Пекаркой (Мария Малькова), Принц и его верный шут подкупают служанку Моргану лестью и комплиментами, для того, чтобы заполучить заветные апельсины, а её сердце тает от приторных, но добрых слов героев. На глаза комической героини на мгновение даже наворачиваются слёзы. Она видит, что гости не бескорыстны, но тепло от такой милосердной, ласковой речи берёт её за душу. И, следуя заведённому в сказке порядку, где добро и любовь обязательно останутся в конце, Пекарка недвусмысленно произносит: «Не поджигай их срочные дела, я им ещё и больше б отдала». В то же время тема смерти, также присутствующая в пьесе, обыгрывается режиссёром мягко, с должной ноткой комедийного юмора, лишь оттеняя неоспоримое торжество жизни. В финале постановки один за другим

гротескно падают замертво: Король – от счастья по возвращении сына, театрально приложив ладонь ко лбу; его сестра с приспешниками – так и не достигнув власти, брезгливо чокаясь склянками с ядом. Такой поворот событий не только не пугает зрителя, но даже смешит. Однако на сцене тут же появляется режиссёр и, подавая руку каждому из них, помогает всем подняться. Выступая в роли творца, он утверждает ценность жизни каждого человека.

Примечательно, что Илья Архипов не напрямую, однако достаточно явно воплощает своим персонажем концепцию Бога, появляясь в спектакле в своеобразном триединстве: как злая колдунья Моргана, добрый маг Челио и режиссёр. Именно он вводит в «Венецианскую феерию» философскую линию повествования. Открывая второй акт постановки признанием о необходимости и милосердия, и жестокости в этом мире, персонаж Создателя говорит о том, что не смог бы вырастить две чистые, невинные души (Принца Тарталья и Принцессы из апельсина) без заточения и испытаний. Кажется, в его руке кубок, наполненный водой, но стоит герою наклонить сосуд, как из него высыпается песок – пыль земли – символ времени и тления, что дополняет образ Всевышнего. Понятия чёрного и белого, плохого и хорошего в спектакле переплетены, смешаны в равном соотношении, раскрывая мысль о том, что всё на свете требует баланса, и не может существовать обособлено. В мире добро не может быть без зла, иначе будет утерян его смысл и стёрты границы, а без смерти не возможна и жизнь. На пути к трём апельсинам Принц Тарталья признаётся Труффальдино, что после долгих лет покоя, неведения и скуки он был проклят, и тогда наконец увидел свет, обрёл настоящие цель и мечту. Может быть тогда это вовсе не проклятие...? «Это чудо!» – восклицает герой, по воле заклятия достигший счастья.

Переживания, эмоции и пафос всего спектакля в определяющей степени передаются зрителю через авторскую музыку. Именно из нежной, проникновенной и немного печальной мелодии зритель узнает трогательную

и несправедливую историю Девушки из апельсина, а также понимает её кроткий нрав и искренние чувства. Услышав же струны гитары в момент встречи озорника Труффальдино (Артем Иванов) и служанки Смеральдины (Мария Насырова) – самых смешных и нелепых персонажей сказки – зритель обнаруживает между ними настоящие романтические чувства. А стилизованные под эпоху комедий Дель Арте скрипичные аранжировки музыкальных композиций утверждают вечность идей и вопросов фьябы Карло Гоцци.

Спектакль «Три апельсина. Карнавал» – это настоящий праздник жизни, где каждый может примерить новое лицо и увидеть мир чужими глазами: актёр – оказаться наблюдателем, смотрящие – ощутить себя частью постановки. Эстетика воплощения здесь дополняет и совершенствует замысел философской доброй сказки, а постоянным украшением действия становится почти не стихающий смех зала. Финальная сцена создаёт невероятно камерную и тёплую атмосферу. Все персонажи, просто и открыто улыбаясь, срывают маски и выходят на авансцену. Между актёрами и публикой не остаётся недомолвок и дистанции. Илья Архипов в центре действующих лиц, держась с ними за руки, выходит на поклон, в то время как зрители аплодируют стоя. Именно таким неммым диалогом радости, сбитым дыханием и весёлым взглядом глаза в глаза заканчивается вечер в театре Эстрады им. Аркадия Райкина.